

Бахтуридзе З. З.

ФЕНОМЕН "МАНИПУЛЯЦИЯ" И ФЕНОМЕН "МАССЫ": РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ. ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССАМИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/5.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 16-19. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Фромм Э. Душа человека: Сборник / Пер. В. Закия, Т. Панфиловой, Л. Чернышевой. - М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

Шпенглер О. Закат Европы / Пер. К. А. Свасьяна. - Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. - С. 1329-1335.

ФЕНОМЕН «МАНИПУЛЯЦИЯ» И ФЕНОМЕН «МАССЫ»: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ. ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССАМИ

Бахтуридзе З. З.

Институт специальной педагогики и психологии

Если обратиться к истокам возникновения термина «манипуляция», становится очевидным, что он претерпел некоторые изменения в своём значении. В неметафорическом значении термин «манипуляция» обозначает сложные виды действий, выполняемых руками, требующих мастерства и сноровки. Латинский прародитель термина – *manipulus* – имеет два значения:

1) пригоршня, горсть (*manus* – рука + *ple* – наполнять);

2) маленькая группа, кучка, горсточка. В этом значении данное слово обозначало, в частности, небольшой отряд воинов (около 120 человек) в римском войске.

Переходной ступенью к метафоре явилось использование термина «манипуляция» применительно к демонстрации фокусов и карточным играм, в которых ценится искусство в проведении ложных отвлекающих приёмов, сокрытии истинных действий, создании обманчивого впечатления или иллюзии. В метафорическом значении манипуляция может быть определена как «акт влияния на людей или управления ими или вещами с ловкостью... как скрытое управление или обработка». Если обострить – чтобы прояснить – содержание понятия «манипуляция» в переносном значении (т.е., когда объектами действий – манипуляций являются люди), то оно означает стремление «при – ручить» другого, «прибрать к рукам», попытку превратить его в послушное орудие, марионетку. Однако не имело бы смысла называть это манипуляцией, если бы всё делалось бы явно. Следовательно, для манипуляции в метафорическом значении важно создать иллюзию независимости адресата воздействия от постороннего влияния, самостоятельности принимаемых им решений и выполняемых действий. Метафорическое определение психологической манипуляции в итоге содержит три важнейших признака: метафору «прибирания к рукам», обязательное условие сохранения иллюзии самостоятельности решений и действий адресата воздействия, искусство приёмов воздействия [Доценко 1993: 134].

Несомненно, толкования этого термина встречаются разные. У Бессонова Б. Н. – это форма духовного воздействия скрытого господства, осуществляемая ненасильственным путём [Бессонов 1971: 35]. Волкогонов Д. А. понимает под этим термином господство над духовным состоянием, управление изменением внутреннего мира. Он считает, что манипуляция происходит путём внушения массам соответствующих стереотипов мышления, выгодных манипулятору. По мнению Волкогонова, манипуляция является одной из основ механизма психологической войны. Р. Гудин считает, что манипуляция – это скрытое применение власти вразрез с предполагаемой волей другого. У. Рикер в своём труде «Искусство политической манипуляции», пишет о таком структурировании мира, которое позволяет выигрывать посредством применения манипуляций [Riker 1986]. У Д. Рудинова манипуляция – это побуждение поведения посредством обмана или игры на предполагаемых слабостях другого. Согласно Сагатовскому В. Н., манипулировать – это значит относиться к другому как к средству, объекту, орудью. Известный американский учёный, профессор факультета средств массовой информации Герберт Шиллер в своих трудах характеризует манипуляцию как скрытое принуждение программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок поведения. Другой американский исследователь Э. Шостром делает вывод, что манипуляцией можно назвать управление и контроль, эксплуатацию другого, использование в качестве объектов, вещей.

В 1903 году В. М. Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения». У Бехтерева внушение прямо связывается с манипуляцией сознанием, поскольку представляет собой вторжение в сознание посторонней идеи без прямого и непосредственного участия в этом акте «Я» субъекта. Проанализировав эти подходы и определения, можно дать следующее, собственно психологическое определение понятия: манипуляция – это вид психического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определённых действий, не совпадающих с его желаниями. Но, как известно, феномен манипуляции подвергался тщательному рассмотрению в первую очередь в политологических работах, поскольку сам этот термин в переносном своём значении первоначально стал употребляться в сфере политики, постепенно распространившись на всю проблематику, связанную с массовым сознанием. Политические манипуляции включают в себя как межличностные, так и массовые манипуляции. В первом случае для их осуществления манипулятор прибегает к определённой технике, т.е. набору манипулятивных приёмов, работающих на межличностном уровне. Во втором случае на помощь манипулятору приходят манипулятивные технологии. Но, если жертвами межличностных манипуляций становятся отдельные индивиды, то жертвами политической манипуляции массами – порой целые народы, так как они предполагают воз-

действие на очень широкий круг людей. В своей книге «Масса и власть» Э. Канетти отмечает, что природа человека вызывает у него наибольшие опасения. Один – единственный человек, способный уничтожить добрую часть человечества – вот что страшит Канетти. Противоречие между его единственностью и тысячами и тысячами тех, кого он уничтожает, автор не в силах осмыслить, и именно это не даёт ему возможности смотреть в будущее с оптимизмом. По мнению В. Н. Амелина технологическое манипулирование массами представляет собой «воздействие на общественное мнение с помощью управленческих эффектов для достижения определённых целей коммуникации».

Несомненно, ещё в период Реформации можно обнаружить множество примеров внушения массам, но только в XX веке, благодаря его технологическим возможностям, стало возможно широкое целенаправленное воздействие на миллионные массы. Все представители теории массового общества исходя из того, что главным агентом его становления выступают средства массовой коммуникации. Общественное мнение, эффект гласности, возможность манипулировать сознанием приобрели такую силу, с которой уже не могли не считаться. Феномен масс и способы управления ею стали проблемой, когда массы получили возможность влиять на ход событий и на политику например, посредством голосования или восстания. Такая возможность, по мнению Лебона, явилась новшеством в истории. А Э. Канетти утверждает, что модель взаимоотношений «власть–масса» была создана в далёком прошлом, а наш век отшлифовал, доведя до совершенства то, что в иные времена существовало в зародыше [Канетти 1997: 16]. На рубеже 19-20 вв. Г. Лебон писал: «Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этих изменений лежат два главных фактора. Первый – это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам старой цивилизации; второй – это возникновение новых условий существования в области наук и промышленности». По мнению К. Юнга, массовый человек и массовое психическое сознание не более чем продукт исторического развития. Свойственный просвещению философский упор на индивидуализм, равенство и демократию – с неизбежно вытекающими из них самодовольством и анархией – породил «компенсаторное обратное движение к коллективному человеку» – возникновение социализма, коммунизма и фашизма. Х. Ортега-и-Гассет отмечает: «Массы внезапно стали видны... Они существовали и раньше, но оставались незаметными, занимая задний план социальной сцены: теперь они вышли на авансцену, к самой рампе, на места действующих лиц. Герои исчезли, остался хор» [Ортега-и-Гассет 1989: 120]. Вслед за другими исследователями, С. Московичи утверждает, что вплоть до современной эпохи, массы не нуждались в специальной науке, т.к. не представляли собой особой проблемы. Но в результате упорной и ожесточённой борьбы массы, кажется, повсюду одержали поразительную и бесповоротную победу. Именно они ставят новые вопросы и вынуждают изобретать новые ответы, поскольку их сила является реальностью, с которой отныне нужно считаться [Московичи 1998: 416].

Исследователи отмечают, что в период между двумя мировыми войнами самой важной и вызывающей беспокойство чертой эволюции политического мышления становится появление новой власти: власти мифического мышления, которое свойственно массовой психологии. Важнейшими составными частями и одновременно катализаторами, усиливающими процесс массовизации, стали специфические формы массовой культуры, стандарты духовной жизни, связанные с возникновением и функционированием в обществе различных видов массовой информации. Многие исследователи указывали на роль телевидения. Г. Маркузе, например, отмечает в своих работах, что массовое потребление телевизионной информации, когда глаза воспринимают хаотический набор, светящихся на экране точек, приводит к формированию нового типа массового сознания. Возникает импульсивно – реагирующая психика. Следствием этого являются процессы, происходящие на досознательном, во многом неосознанном уровне. Такая психика порождает хаотичное поведение, свойственное массам.

Общие выводы большинства исследователей процессов массовизации жизни современного общества сводятся к следующему: во-первых, массовое промышленное производство на основе достижений научно-технической революции породило особый динамизм жизни, выразившийся, среди прочего, в стремительном росте потребностей людей. Это проявляется как в материальной, так и в духовной, и в политической сферах; во-вторых, возросли не только потребности, но и возможности их удовлетворения; в-третьих, вырастает массовая готовность к активным действиям. Здесь необходимо подчеркнуть провоцирующее влияние средств массовой коммуникации, рекламы, политической агитации и пропаганды, ставящих целью прямую стимуляцию непосредственной поведенческой активности. Эти средства стремятся вызвать непосредственную массовую реакцию в виде конкретных действий, акций, или, наоборот, в виде пассивного одобрения; наконец, в-четвёртых, определяющим в поведении масс становятся не устоявшиеся, осознанные позиции, а быстро увлекающие настроенческие факторы, протекающие из изменений условий производства и жизни, характера потребностей и возможностей их удовлетворения, а также общего, возрастающего динамизма жизни.

Итак, широкая массовизация – особенность политического развития XX в. Массовизация в социально-политической сфере общества привела к существенному увеличению количества людей, участвующих в различных политических акциях, изменился состав их общностей, усложнились и расширились политические отношения людей.

В зарубежных и российских исследованиях, посвящённых анализу этого феномена, толкование понятия «массы» делается под различными углами зрения. Г. Лебон – автор одной из первой концепции массового

общества отождествлял массу с толпой, где индивиды утрачивают чувство ответственности. Толпа не рассуждает, а повинует страстям. Становясь частью толпы, люди опускаются вниз по лестнице цивилизации. Согласно Лебону, главная черта XX века – это замена сознательной деятельности индивидуума бессознательной деятельностью толпы. Он отмечал, что основной характерной чертой масс является слияние индивидов в единые разум и чувство, которые затушёвывают личностные различия и снижают интеллектуальные способности. Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается. При этом всё равно, каков бы ни был социальный класс, образование и культура участвующих: «с того самого момента, когда люди оказываются в толпе, невежда и учёный становятся одинаково неспособными соображать» [Лебон 1896: 170]. Другой основатель концепции массового общества – Тард утверждал, что толпа легковерна и бездумна, она слишком склонна «подчиняться побуждениям зависти и ненависти» [Тард 1909: 46].

Ю. В. Ирхин выделяет следующие типичные признаки человека, как части массы:

1. Тенденция к обезличенности. Индивидуальная манера социально-политического поведения отступает под натиском общих страстей и вытесняется импульсивными реакциями.

2. Преобладание чувственного над сознательным. Разум в той или иной мере «захлёстывается» чувствами и «обволакивается» инстинктами.

3. Снижается интеллект, понижается уровень политических и моральных ценностей. Политическое сознание массы ниже уровня политической сознательности составляющих её индивидов. Желющие заслужить признание в массе должны ориентироваться на нижние уровни политической сознательности, примитивные стереотипы.

4. Резко снижается уровень ответственности. Индивид скандирует те политические лозунги и предпринимает те действия, которые он, пожалуй, не совершил бы в уравновешенном состоянии [Ирхин 1993: 110].

Французский исследователь Серж Московичи пишет, что, «растворившись в массе, индивиды утрачивают свои личные интересы, чтобы подчиниться общим желаниям, точнее тем, которые как общие преподносят им вожди». Он отмечает, что характерной чертой массового человека является отсутствие критичности и способности принимать правильное решение. «Единый язык, который они понимают, – это язык, мнущий разум и обращённый к чувству», – тонко подмечает Московичи, – «Человек – индивид и человек – масса – это две разные вещи, как достояние в один франк и в миллион: индивида убеждают, массе внушают» [Московичи 1998: 421]. Г.Блуммер отмечает, что поведение массы не определяется никаким предустановленным правилом и является спонтанным. «В массе индивиды отделены друг от друга и неизвестны друг другу. Этот факт означает, что индивид в массе действует, откликаясь на тот объект, который привлёк его внимание, и на основании пробуждённых им порывов». Отсюда и возникает проблема манипуляции массовым сознанием и массовым поведением. Зигмунд Фрейд, анализируя и обобщая взгляды Лебона, делает следующие выводы:

– Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное.

– Масса легковерна и чрезвычайно легко поддаётся влиянию, она некритична, неправдоподобного для неё не существует. Она думает образами и не знает ни сомнений, ни неуверенности.

– Она склонна ко всем крайностям, и тот, кто хочет на неё влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации.

– Массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить.

Отмечая, что всё происходящее в обществе определяется поведением масс, В. Райх вслед за другими авторами делает вывод, что массовое сознание наполнено иллюзиями. «В самой человеческой массе действует страшная, реакционная, тормозящая развитие сила... Она проявляется как страх перед ответственностью и страх перед свободой» [Райх 1994: 144-145].

Политические манипуляции массами представляют собой средство достижения определённых целей неким политическим субъектом. А целями деятельности любого политического субъекта являются: приход к власти, её реализация и её сохранение. Массы играют значительную, порой определяющую роль в современном политическом процессе. Массовое сознание, которое идёт вразрез с рациональным сознанием индивида, наделено особенностями, позволяющими легко управлять массами, в частности, посредством манипулятивного воздействия. Политические взгляды и действия масс часто не укладываются в рамки логики и заставляют нас верить в справедливость тезисов о примате веры над разумом и подсознания над сознанием. Это происходит потому, что политика для абсолютного большинства граждан – это неизвестная область с неведомыми правилами и традициями. Поэтому политическое сознание масс не может формироваться в практической деятельности людей и всегда будет существовать в виде коллективных представлений, в происхождении которых доминирующую роль играет не собственный опыт, а воздействие извне. С психологической точки зрения политическое сознание масс представляет собой такую форму мышления, которая резко отличается от доминирующего в современной культуре логического мышления. Разные исследователи называли это мышление по-разному – первобытное, мистическое, эмоциональное, подсознательное и т.д. Это мышление ориентировано не на объективную, а на мистическую или мифологическую причинно-следственную связь. Так называемая «психологическая толпа» – масса объединяемая не общим пространством, а посредством, например, средств массовой информации является объектом политических манипуляций, подразумевающих навязывание своей воли в форме скрытого воздействия. Исследователи отмечают, что «жертва манипуляций, как правило, не осознаёт самого факта оказанного на неё влияния. Такой эффект достигается благодаря воздействию на подсознание объекта манипуляций» [Цуладзе 1999: 42]. Из вышеска-

занного очевидно, что управлять массами несомненно проще чем отдельными индивидами, благодаря особенностям массового сознания.

Список литературы

- Доценко Е. Л. Манипуляция: психологическое определение понятия // Психологический журнал. – 1993. - Т. 14. - № 4.
Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления. – М., 1971.
Ирхин Ю. В. Психология и политика. – М., 1993.
Канетти Э. Масса и власть. – М., 1997.
Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1896.
Московичи С. Век толп // Психология масс. – М., 1998.
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – № 3.
Райх В. Неспособность к свободе // Дружба народов. - 1994. - № 10.
Тард Г. Личность и толпа // Очерки по социальной психологии. – СПб., 1909.
Цуладзе А. Политические манипуляции или покорение толпы. – М., 1999.
Щиллер Г. Манипуляторы сознанием. – М., 1980.
Riker W. H. The Art of Political Manipulation. – New Haven, 1986.

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНТЕЛЛЕКТЕ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Беляева О. В.

Ставропольский государственный университет

Проблема интеллекта, интеллектуальных способностей, интеллектуального развития в философии относится к числу старейших. Важность исследования проблемы интеллекта вытекает, прежде всего, из растущей роли духовных процессов при оценке общественного прогресса и связанного с этим усиления интеллектуализации человеческой деятельности. Изменения, происходящие в обществе, требуют от человека как способности адаптироваться к ним, находить свое место в меняющейся социальной ситуации, так и способности активно вмешиваться в них, направляя эти изменения в удобное для себя русло. В современной науке этим понятием пользуются философы, психологи, социологи и другие исследователи. В каждой из областей знания вырабатываются свои представления об интеллекте, не поддающиеся простому объединению или рациональному обобщению.

Изучение этой проблемы продиктовано во многом необходимостью анализа истории развития научных представлений об интеллекте в науке и философии. В данной статье мы рассмотрим основные тенденции развития понятия интеллект в истории философии.

Интеллект выступил объектом философского исследования еще в древности. В рамках философского изучения природы и структуры знания возникло учение о постигающем объективный мир интеллекте. Тогда же возникли и представления о душе, о разуме и были поставлены вопросы: что представляет собой душа? Как разум соотносится с предметным миром? Какое он место занимает в человеческой душе? С тех пор продолжают дискуссии о сущности интеллекта и возможности его познания.

Формирование основных подходов к постижению мира имеет место уже в античности. Именно в этот период зародились альтернативные традиции исследования понятия «интеллект», происходящего от латинского «intellectus» (впервые обнаружено как «intellectualiter» в теологических трактатах Боэция [Боэций 1996: 119] в качестве инструмента познания божественных предметов) и восходящего к древнегреческому понятию «нус», которое переводится как «разум» и по своему значению является тождественным. Однако первым наиболее разработанное представлением о «нусе» выступает учение Анаксагора. Он принадлежит к раннему этапу греческой философии, который еще непосредственно связан с мифологическим воззрением на мир, и эта близость весьма ощутима. В философии Анаксагора присутствует существенное отличие от мифологического мировосприятия древних эллинов. Первоначало Анаксагора – Разум – это уже не те смыслообразы, которые обнаруживаются в древнеэллинических мифах. Его Разум ближе к понятию, несущему в себе некий смысл о единстве мира, чем к мифологическому символизму. Таким образом, у Анаксагора Ум, с одной стороны – один существует сам по себе; он – тончайшая и чистейшая из всех вещей; он обладает совершенным знанием обо всем: «И над всем, что только имеет душу, как над большим, так и над меньшим, властвует Разум, от которого это круговое движение и получило начало... И все, что смешивалось, отделялось и разделялось, знал ум» [Анаксагор 1914: 107].

Наиболее полное обобщение взглядов древних мыслителей о природе интеллекта было представлено Аристотелем. Согласно философу, познание строится на диалектике категорий формы и материи, где под материей понимается то, что составляет тело всякого природно-космического объекта, придает ему телесно-чувственное существование. А форма не есть нечто телесное, она обретает сущность познаваемых предметов. Иначе говоря, форма как сущность представлена в предметах познания посредством материи как существования этой сущности. Душа, по Аристотелю, как орган познания «есть сущность в смысле формы естественного тела» [Аристотель 1975: 394], которая осуществляет познавательную деятельность по принципу